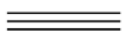

СУДНЫЕ ДНИ

СУДНЫЕ ДНИ

Книга первая

ПОБЕДИТЕЛЬ

Книга вторая

ПРЕДАТЕЛЬ

Книга третья

ДОЛЖНИК

Книга четвертая

КРЕДИТОР & МЕСМЕРИСТ

Андрей
ВОЛОС

КРЕДИТОР
&
МЕСМЕРИСТ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Оформление серии *Сергея Курбатова*

В оформлении переплета использованы
фрагменты фресок из капеллы Бранкаччи (Флоренция).

Волос, Андрей.

В 68 Кредитор & Месмерист : [роман] / Андрей Волос. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Суд-
ные дни).

ISBN 978-5-699-92754-8

4 октября 1993 года писатель Герман Бронников отправился наблюдать за расстрелом Белого дома, его понесло вместе с толпой, он запнулся и ударился головой о парапет набережной. Бронников оказался в больнице — и там ему явились загадочные клоуны Бим и Бом... Так начинается роман «Кредитор» — четвертая книга эпической тетралогии Андрея Волоса «Судные дни».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Волос А., 2017
ISBN 978-5-699-92754-8 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

КРЕДИТОР

Роман

*Если мы умерли так, как
мы умерли, значит, с нашей
родиной ничего не поделаешь,
ни хорошего, ни плохого.*

*Георгий Владимов,
«Генерал и его армия»*

Глава 1

Сказать, что он пришел в себя, было бы явным преувеличением. Частично выплыл из бархатной тьмы, плотно обволакивавшей мозг, — но если бы удалось удержать в разбитой голове хоть сколько-нибудь связную мысль, предпочел бы не высовываться: его встретило что-то нечеловеческое — дикий грохот и вокзальные голоса, казалось, в самые уши:

— Нинка, курва, что ж ты все двери позакрывала!

— Да в рот те пароход, в левые езжай, там помыто уж!

Смысл слов ускользал. Не отдавал он себе отчета и в том, что лежит, безвольно свесив руку, на хромой, без одного колеса, больничной каталке и толстая санитарка, пыхтя от спешки и матькаясь, гонит ее, то и дело с криком запинаящуюся в колдобинах цементного пола, длинными коридорами под неустанным гулом и дьявольским морганием люминесцентных ламп.

Так шумно, громоздко и неряшливо было это движение, что могло представиться и что-нибудь совсем несуразное: будто из-под шаркающих подошв медработницы то и дело с треском вылетают снопы искр и едкие облачка черного дыма, будто обута не в опорки, а в наждаки. Двустворчатые, мотавшиеся туда-сюда двери толстуха шибала с

такого разгону и с таким глушащим лязгом, будто намеревалась вовсе их снести: обманчиво-покорно шатнувшись на открывание, створки, предусмотрительно укрепленные стальными полосами, тут же разгонялись обратно, чтобы с размаху ахнуть по боковинам каталки, не успевшей проскользнуть в секундный проем. В каждом следующем колене душившего хлоркой коридора становилось шумнее: над головой беспрестанно крякало, выло, свистело и гукало, как если бы громовое движение пациента сопровождала целая стая босхиански нелепых и устрашающих существ: ежи с воронками в зад утчаянно хлопали кожистыми крыльями, опасаясь отстать и застревая в проходах, а сисястые нутрии катились кубарем, как попало, то и дело шваркаясь о стены и злобно фыркая, — но если все это и на самом деле существовало, то, скорее всего, исключительно в пульсирующих остатках его воображения — ведь оставалось в нем еще хоть какое-нибудь воображение? — а в действительности: пыхтящая санитарка, вонь и безумолчное щелканье ламп.

Ничего этого он не осознавал, и только одна не до конца вылупившаяся мысль беспокоила дремлющий мозг: насчет того, что все это — и рев, и грохотание, и тряска, и толчки, и сдавливающая горло тоска — может случиться только *за*, когда тела уже нет и лишь оставшаяся в одиночестве душа стремительно погружается в роковые содрогания, пламёна и звуки не то чистилища, не то самого ада.

Егошибануло, когда толпа зевак, запрудившая набережную Шевченко, шарахнулась вся целиком, дернувшись, будто препарированный мускул.

Было с чего: несколько автоматных очередей не только прошли в опасной близости, как уже случалось прежде, но в этот раз и задели кого-то с левого края сборища.

Впрочем, и такое уже бывало, и если бы зеваки отдавали себе отчет в происходящем, тотчас бы разбежались. Однако сознание помрачалось соблазном: вещи

КРЕДИТОР

совершались фантастические, столь невероятные, столь настоятельно требовавшие созерцания, что даже явная опасность, о которой свидетельствовала близкая трескотня, производимая автоматическим оружием разного рода, их не пугала.

Ну и в самом деле, только вообразить: шесть танков Т-80, более или менее ровно построившихся на мосту в самом его начале, вразнобой палили через реку!

День выдался ясный, солнечный, с той прощальной синевой сплошь безоблачного неба, что заставляет сердце сжиматься и ныть: совсем скоро — быть может, уже завтра — холодный ветер пригонит караваны вязких туч, и последняя ласка солнца сменится сначала промозглой сыростью, а потом уж и снегом, и морозом, и долгой тоской зимы.

В прозрачном осеннем воздухе мишень, в которую один за другим с гулом и верещанием летели танковые снаряды, различалась вся до самых мелких черточек — вплоть до того, что за стеклами окон подчас промелькивали бледные лица ее насельцев.

Танки злобно дергались, посылая новые и новые го-стинцы: когда из ствола длинной пушки вылетала белая, похожая на смачный плевок струя пороховой гари, машина приседала, а из-под гусениц облаком поднималась пыль — хотя, казалось бы, откуда ей взяться на промытом недавними дождями асфальте?

Но все-таки слишком малы, даже ничтожны оказывались их усилия в сравнении с машиной белого, будто весь из рафинада, Дома Советов: он стоял не дрогнув. Кое о каком ущербе говорили только клубы смоляного дыма, застилавшего верхние шесть или семь этажей. Там-сям сквозь него пробивались и бордовые языки пламени.

Нижний ярус широкий, двукрылый, с сиянием и блеском огромных стекол холлов и залов. На нем основная часть здания — формой сравнимая с пачкой сигарет, но с

боков закругленная. С самого верху — кубическая башенка. Над башней — длинный флагшток, на флагштоке — флаг России, из фасадной середины празднично смотрят круглые часы. Сейчас казалось, что с золотого циферблата то и дело прыскает вода. На самом деле это были брызги мраморной и цементной крошки: должно быть, развлекался стрелок одного (или не одного) из БТРов, обильно запрудивших окрестности и посильно помогавших танкам пулеметными очередями.

Чуть правее виднелась высотка на площади Восстания, а если обернуться, взгляд натыкался на сталинского же извода уступчатый небоскреб гостиницы «Украина».

То есть все вокруг выглядело как прежде, но по горящему Дому Советов стреляли танки! — происходящее было невысказанным, и легко понять тех, кто собрался поглазеть на это потрясающее представление.

Всякий смотрел по-своему: сам Бронников — в опустошающем изумлении, многие — с тем религиозным ужасом, что охватывает человека, когда он видит нечто противоестественное. Но нашлись и две небольшие компании, где каждый выстрел встречали аплодисментами и гиканьем. Время от времени кто-то там вопил: «С каждым днем хорошеет столица нашей Родины — Город-герой Москва!!!»

Не исключено, что столь невообразимая возможность — стрелять по одному из главных символов нерушимой власти, каким являлся Дом Советов еще вчера, — опьяняла тех, кто держал в руках оружие, и в приступе куража кому-нибудь из них приходило в голову полоснуть очередью и по тем, кто теснился на набережной.

Очень, очень может быть, уже случилось такое — но люди не расходились.

Издали и сверху толпа походила на некое диковинное существо, суетящееся всеми отростками, но несобранное и медлительное; затрепетав и задергавшись от испуга, но

КРЕДИТОР

тут же отчего-то уверившись в своей безопасности (должно быть, не оставляла мысль, что по безоружным стрелять не для чего), тысячеголовая тварь замедляла шаг и снова оборачивалась к происходящему. В один-то из этих разов и случилось: Бронникова понесло, он запнулся, перепрыгивая бордюры, и полетел головой в парапет. Всякий раз, как кого-нибудь ранило, четверо или пятеро еще целых тащили очередную жертву бесплатного развлечения, подсунув плащ или пальто, к одной из машин «Скорой помощи». На Бронникова в конце концов тоже обратили внимание и тоже отнесли, но как-то нехотя — ну и впрямь, тут люди под пулями, а он вон чего: спотыкается...

Грохот бесконечного путешествия по адовым коридорам стих. Каталка встала.

— Кирилл Валерич, как же вы говорите в девятую, там полна коробочка!

— Что?

Прохладные пальцы подняли веко, обнажив закатившееся глазное яблоко. Затем ощупали все тело, начав с ног. Пропали.

— Так-то целый, — сказал тот, кого медсестра назвала Кириллом Валерьевичем. — Пулевых нет. Кардиограмму бы сделать. Ладно, пусть пока в коридоре. А если еще с огнестрельными, сразу к операционной.

Все окончательно стихло, только неподалеку женский голос надрывался:

— Дура, что ли?! Из шестой, говорю, матрас вынеси, весь в кровище!

Этого можно было не слушать, и он с облегчением погрузился в пространство растресканных зеркал, обманчиво сверкавших вспышками не то реальности, не то памяти, не то собственных его предсмертных фантазий.

И тут же на него вывалились клоуны.

Ну да, клоуны. Каким ветром вынесло? Он про них и думать забыл. Ведь не день прошел, не год... сколько

же?.. да как бы не четыре. А им нипочем — как новенькие. Должно быть, все это время так и жили в потаенных углах памяти, шутили свои несмешные шутки.

Тот денек и без них бы запомнился.

* * *

Латунное солнышко мерцало, трепещало в знойном туманце, и почти гасло, и снова выглядывало, просыпая серебряную чешую на сторбленные спины прохожих. Сутулясь как все, он точно так же отворачивал физиономию от пронзительных порывов ветра.

В Арбат проклятый сифонил, как в трубу: с воем вривался в широкий рукав от ресторана «Прага» и мчал по ступенчатой перспективе на юго-юго-запад к Смоленке, попутно прохватывая все живое до костей и кишок. Швырял обрывки газет, трепал отклеившуюся афишу. Навалился на случайно подвернувшегося красноногого художника: для начала разметал нечесанные патлы, а когда тот вскочил, чтобы удержать стендик с образцами своего творчества, злорадно опрокинул складной стул. Стул корабельно хлопал парусиной и скрежетал по брусчатке, а творец прыгал за ним, матерясь и приседая.

Полюбовавшись отчаянной борьбой искусства со стихией, снова прибавил шаг.

Метров через сто он увидел что-то вроде сцены, сооруженной из овощных поддонов у облупленной стены. Бронников выпростал из шапки ухо и прислушался.

«Все неправильно, Бим!» — вопил рыжий.

Синий комбинезон, какие носят сантехники, выглядел так, будто отдельные части накачали воздухом: должно быть, владелец наподдевал целый ворох исподнего. На шее трепался капроновый бант, на голове — мочальные пряди малинового парика. Намазанную белым физиономию украшала воспаленная блямба накладного носа. На ногах и вовсе несуразная в свете ответственности сцени-

КРЕДИТОР

ческого положения обувка — серые валенки с галошами. В целом он оставлял впечатление сугубой самодельщины, будто наспех смастерили из утильных обрезков.

«Что ты орешь, Бом?» — невесело отозвался второй. Комбинезон похожий, однако парик белый, а обут хоть и в подвергавшиеся многие годы нещадной эксплуатации, но все же худо-бедно городские ботинки.

«Я не ору! Я агитирую!»

«За кого?»

«Не за кого, а за что! Ведь я коммунист! — горланил рыжий. — За все хорошее против всего плохого!»

Напор, с каким вывалилась последняя фраза, свидетельствовал, что оратор рассчитывает на шумное одобрение публики. Его ожидания не оправдались: никто даже не улыбнулся. Тогда, неожиданно скакнув, он прошелся на руках, сколько позволяли поддоны, едва не боднул стену, шлепнулся и сел.

«Ой! — испугался Бим. — Ты голову расколешь!»

«Ну и что? Шапку я и на колотую могу надевать».

«Но ведь литр дефицита пропадет!»

«Кефира, что ли?»

«Ну да, у тебя же один кефир в голове!»

Несмотря на это обидное заявление, к рыжему почему-то вернулось бодрое расположение духа, и он вскочил, радостно скалясь:

«Ха-ха-ха, ты прав, Бим! Где теперь кефир достанешь! Например, захожу я вчера в магазин! Говорю: дайте соли! А продавец: как хорошо, что за солью пришли!»

«Почему?»

«Потому что кроме соли ничего нет!»

Бронников хмуро хмыкнул. Этой парочке не удавалось преувеличить беды и раздуть недостатки, как того требует искусство клоунады. Вчера он сам видел такое: все витрины продуктового, независимо от того, каким товарам следовало в них располагаться, занимали исключительно

пачки с надписью «Камяна», что в переводе значило «каменная» и выдавало украинское происхождение товара.

Вероятно, именно потому, что коверные шукарили слишком близко к жизни, никто не смеялся.

«Как весело, Бим! А я тоже захожу и говорю: дайте килограмм еды».

«Дали?»

«Если бы! Еда закончилась еще в ноябре».

«Ха-ха-ха!»

«Хо-хо-хо!..»

Малочисленные зрители перетаптывались вокруг, пряча пасмурные лица в воротники. Тучи сглотнули остаток солнца, стемнело. Тут же посыпал колючий снег. Ветер свивал прах белыми узкими прядями и тянул понизу. Бронников глубже нахлобучил шапку и затянул шарф.

Неожиданно Бом шагнул к краю, сердито и растерянно переводя взгляд с одного лица на другое: «Почему вы не смеетесь?!» Он содрал красный парик с лысой головы и резко взмахнул им, будто надеясь этим движением запустить громкую музыку.

«Смейтесь!»

Кто-то настороженно попятился.

Напарник шагнул к рыжему, потянул за рукав: чего ты, не надо.

«Смейтесь же, смейтесь! — отчаянно требовал Бом. — Почему вы такие угрюмые?!»

Он всхлипнул, закрыл лицо париком и сел, сгорбившись и опустив ноги на заснеженную брусчатку. Зеваки начали расходиться...

Бронников поежился, перехватил котомку в левую руку и тоже пошел восвояси.

Собственно, у него и времени не было таращиться попусту. Шагал по делу к Лизке: занести кое-что из продуктов; уславливались, что явится с утра. Но собрался к обеду, и причины такие мелкие, что даже не стал звонить

КРЕДИТОР

предупреждать о перемене, тем более что в крайнем случае, если бы не застал, мог отключить своим ключом.

Свернул во двор. Здесь Артем провел последний год своей жизни. Как глупо все получилось... мог бы отвертеться. Зачем он это сделал? Как раз сейчас выводят войска из Афганистана — несколько дней назад генерал Громов, шагая за своей армией, последним прошагал мост через Амударью... Ну да, последним — а вот Артем пропал без вести. Его нет... и никто не может сказать, что с ним. Скорее всего, погиб, конечно. Бронников хорошо это понимал. Но рассудок уже сколько лет не желал мириться. Зачем?.. зачем он там погиб? чему послужила его смерть? на что пошла жизнь? Лизка овдовела, сын сирота — какой в этом смысл?

Привычные мысли — не первый год крутятся в голове.

Хлопнул подъездной дверью, поднялся по лестнице. Нажал кнопку. На блямканье звонка ничто в квартире не пошевелилось. Выждав приличествующее время, Бронников нашарил в кармане ключи, щелкнул замком и толкнул дверь.

Переступил порог, машинально поднимая взгляд.

Лизка застыла на расстоянии нескольких метров в дверном проеме комнаты — и в такой позе, что сразу становилось ясно: не на звонок она спешила, чтобы спросить, кто трезвонит и ломится, а, наоборот, замерла как при игре в шарады, остро надеясь, что непрошенный гость удалится сам.

Предательский свет за ее спиной выдавал, что куцый сатиновый халатец наброшен на голое тело. Тот же свет мешал толком понять выражение лица, очевиден лишь диапазон — от изумленного до испуганного.

В ванной шумела вода.

Переливы звука можно было объяснить только тем, что кто-то принимает душ — и фыркает, когда вода хлещет в запрокинутое лицо.